

Николай Углов

О, ЖЕНЩИНЫ!

Николай Углов О, женщины!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43201743

ISBN 9785005011008

Аннотация

Рассказы о сложных взаимоотношениях мужчин и женщин. Есть рассказы о романтической платонической любви, но есть и эротические «горячие» истории любви, измены и страдания.

Содержание

О, женщины!	5
Сердечные метания	6
Роковая женщина	19
Судьба – копейка	27
Курортные встречи	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

О, женщины!

Николай Углов

© Николай Углов, 2019

ISBN 978-5-0050-1100-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О, женщины!

Рассказы

Сердечные метания

Я в конце лета познакомился с одной девушкой из Пятигорского фарминститута. Очень полненькая, светленькая и чрезвычайно красивая девушка. Я сразу подумал – Эмма будет моей женой! Мы начали встречаться в Пятигорске. Ходили по городу, но больше любили забираться на Машук.

Часто садились на уже подсыхающую траву, целовались, обнимались, даже ложились на траву, но до большего не доходило. Привёз её домой и познакомил с матерью и отчимом. Те были рады – достойная девушка!

Гуляя с Эммой по Пятигорску, пришёл, как бы невзначай, к Аллее Славы. Она увидела мой большой портрет на постаменте Аллеи Славы, среди остальных шестнадцати, и оторопела:

– Вот это да! С кем я встречаюсь! Да ты, кажется, идейный!

– Причём идейный? Я чемпион края, член сборной по лёгкой атлетике. Ну, и хорошо работаю формовщиком (передовик) в литейном цехе на машзаводе. Очень тяжёлая работа.

– Всё равно! Ты же знаешь, я не люблю таких!

– Каких?

– Выскочек!

Я не стал больше спорить с ней, но мне было обидно. По-

следующие события, возможно, таили какую-то разгадку поведения моей девушки.

Как-то Эмма не пришла на очередное свидание! Мы гуляли с Вовкой по Кировскому проспекту. Он балагурил и шутил непрерывно, но я был зол невероятно и рассеянно поддерживал разговор. Вовка с хохотом рассказывал:

– Ты же знаешь, я встречаюсь с Луной (так он называл свою девушку за круглый овал лица). Так вот, вчера были дела. На вершине Машука, после двенадцати ночи, при полной Луне я поставил свою Луну ра...м и... Представляешь картину? На самой вершине! При полной Луне! И моя Луна вниз лицом! Классно!

Вдруг в освещённом окне кафе я увидел свою Эмму. Она сидела рядом с окном за столом в окружении трёх парней и весело смеялась. На столе была выпивка. Кровь бросилась мне в голову! Подскочил к окну, постучал в него – все четверо за столом оглянулись на меня! Показал Эмме рукой, прося выйти. Она изменилась в лице, но быстро встала и вышла из кафе. У двери кафе, молча, легонько залепил ей пощёчину, повернулся и пошёл с Вовкой дальше. Она крикнула вдогонку:

– Дурак!

Вовка начал успокаивать меня:

– Брат! Чего ты так близко всё принимаешь к сердцу?

Сколько ещё их будет в жизни! Большинство из них ветреные, как я! Ну,, и что в этом плохого? Знаешь, в Астрахани, где я учился в речном техникуме, такие девки, как вот эта твоя, ходили к нам толпами. Один раз прямо в аудитории зажал одну. Ну и, сам понимаешь, работаем на полу. Слышу, кто-то идёт по коридору. Хоть бы не к нам, думаю, потому что до окончания ещё далеко. Но шаги всё ближе и ближе! Дверь открывается – ректор! Я вскакиваю с неё и... расписываюсь своей фамилией на полу!

Вовка хохочет. Я уже успокоился и тоже смеюсь:

– Вовка! Хватит выдумывать!

Новый 1963 год встречали с Вовкой Жигульским у меня. Он приехал со своей Луной – неплохая чёрненькая девушка! Я перед самым Новым годом встретил одну бывшую соседку Надьку с улицы Революции. Ей было уже под тридцать, работала поварихой в санатории. Спрашивает:

– Не хочешь встретить Новый год со мной?

– Да нет! Ко мне приезжает друг из Пятигорска с подружкой.

– Ну и что? Встретим Новый год все вместе. Даже веселее.

Я, нехотя, согласился. В новой кухне, построенной отцом, неплохо встретили Новый год – повариха принесла массу еды. Я, как обычно, не пил, но моя тройка изрядно напилась, и скоро Вовка с Луной выгнал нас в другую комнату. Отступать было некуда. Всё произошло мгновенно и буд-

нично! Сколько об этом думал, а тут получилось как-то серо и тускло.

А у Вовки дела что-то не клеились. Слышно было, как они шептались, возились, ругались. Утром, когда мы вышли с Вовкой в туалет в конце сада, он заулыбался и покачал головой:

– Да ты, оказывается, ас! Врал все эти годы мне! Говоришь, не целовался практически никогда с девушками? А ночью что было? Сколько заходов – всё слышно через дверь было!

– Верись, Вовка! Абсолютно мне она не нравится. Что было делать? Я не получил никакого удовольствия. Признаться – не ожидал подобного!

Была весна 1971 года – заканчивалась моя заочная учёба. Живу в Ростове на частной квартире – идёт дипломное проектирование в Ростовском инженерно-строительном институте. Волнуюсь, не ем, не сплю. До утра сижу в большом зале, заставленным чертёжными кульманами. Ежедневно вывешивается график дипломного проектирования. Я на первой позиции, но всё равно работаю, как одержимый. Ко мне подходит руководитель проекта с красивой девушкой:

– Николай! Ты у нас отличник – впереди всех. У меня просьба – помоги вот этой девушке Вере Лысенко. Она очница. Отстала сильно, и речь уже идёт об её отчислении и пе-

реносе защиты диплома на следующий год. Тема её диплома близка к твоей: «Здания повышенной этажности в сейсмо-зонах».

Знакомимся. Девушка – чудо! Небольшого роста, полнотелая, огромные голубые глаза, курчавые русые волосы. Стал интенсивно помогать ей. Нашли свободный кульман, и она ушла из очного отделения – поставила кульман рядом с моим. Три месяца нас сблизили до неимоверности!

На диплом вышел первым по графику – первым меня и поставили защищаться! Через три дня защитилась Вера Лысенко. Это было 15 июня 1971 года. Взяли с ней бутылку шампанского, и пошли через Ворошиловский мост на Левбердон (так назывался левый берег Дона, поросший сплошным камышом).

Зашли далеко от берега – в самые гущи камышей. Выбрали сухой участок, расположились, выпили, оба счастливы. Вера нежно смотрит на меня:

– Коля! Как я тебе благодарна! Если бы не твоя помощь, корпеть бы мне ещё год в этом институте!

Начали целоваться. Вера говорит:

– Коля! Мне дали распределение на работу в Абакан. По-едем со мной!

– Вера! Как ты это себе представляешь? У меня перспективная работа в домостроительном комбинате. Да и к Кисловодску я привык – чудесный город! Там моя мама, брат, друзья.

– Я люблю тебя! Бросай всё! Вот увидишь, мы будем счастливы!

– Ты мне очень нравишься, но так сразу...

Вера обнимает меня, мы samozабвенно целуемся, она плачет:

– Ты надёжный! Я не найду больше такого! Умоляю, поедем вместе! Я девушка – ещё ни с кем не встречалась. Если не веришь в мою любовь – я готова на всё.

Сзади раздаётся негромкий треск камыша. Вера вскрикивает. Я мгновенно вскакиваю, схватив в правую руку пустую бутылку из-под шампанского. Это спасло нам обоим жизнь!

В пяти шагах от меня стоит здоровенный детина в наколках. Мы оцениваем друг друга и молчим. В голове пронеслось:

– «Лишь бы успеть отскочить и со всей силы нанести ему удар по лысой голове!»

Шайтан криво усмехнулся:

– Ладно, живите! Быстро проваливайте отсюда!

Схватил за руку Веру, не выпуская бутылку. Оглядываясь во все стороны, побежали, ломая камыш. Вздохнули с облегчением только на берегу Дона.

Вера, запыхавшись, говорит:

– Это беглые тюремщики. Их на левом берегу Дона в камышах полно – люди говорили. Как это я забыла? Зачем мы

пошли сюда? Господи, чуть не убили нас!

Уже поздно. Мы успокоились и пошли к Вере домой. Она жила в небольшом частном домике. Идём, обнявшись, очень долго. Уже три часа ночи. Стоит дивная тёплая ночь. Звёзды на небе, полная луна, запах цветов дурманит голову. Переходим через какой-то овражек. Вера тянет в гущу кустов:

– Коля! Я не могу.

Изо всех сил сопротивляюсь, понимаю, что могу сделать подлость, но... как устоять? Вера жарко обнимает, горячо дышит в ухо:

– Родной... любимый... только ты!

Случилось непоправимое...

Итак, с Верой Лысенко дела у меня зашли слишком далеко. Так далеко, что уже всерьёз подумал о женитьбе. Девушка очень нравилась мне. Препятствие было одно – ей надо было отработать в Абакане три года – без этого у неё фактически пропадал диплом инженера-строителя. Тогда с этим было очень строго. Мучительно думаю:

– «Мне ехать с ней в Абакан? Бросить маму, дом, друзей, работу? Да и где этот Абакан? Дыра какая-то в Сибири. Разве сравнить его с нашим курортом? Слишком много я теряю, а что приобретаю? Не факт ещё, что она меня любит. И любит ли? Может ей просто хочется замуж. Мне она нравится, но чтобы сказать, что я без ума... Нет! Вот если бы на её месте была Нина Суворова – я бы не раздумывая, поехал в Абакан».

В результате мучительных раздумий решение принято! До получения диплома ещё неделя и я выезжаю в Кисловодск, чтобы больше не встречаться с Верой. Но когда я приехал за дипломом, Вера всё-таки подкараулила меня и закатали истерику. Увидев её такой, ещё больше уверовал в своём правильном решении.

Продолжаю соревноваться. Ещё в 1970 году вместе с членом сборной края Витькой Аносовым впервые участвую в пробеге на 30 километров на приз газеты «Труд» в Орехово-Зуево»

Очень понравился маленький уютный, зелёный городок. Жили в дешёвой гостинице, тренировались в лесу и на шоссе. Постоянно шли тёплые летние дожди, накапливалась усталость после длительных и интенсивных тренировок, терзали мысли о Нине Суворовой.

Как-то Витька предложил:

– До старта ещё две недели. Вечерами делать нечего. Пойдём сегодня на танцы?

– Зачем? Не люблю такие безделушки.

– Ну и что? Не жениться же я тебя зову. Просто проведём время.

С неохотой согласился. На танцплощадке были одни девушки! Это был город ткачих. Ребят совсем мало. Нас сразу заметили. Я до этого никогда не ходил на танцы, и со-

всем не умел танцевать. Из радиолы полилась знакомая песня в тон происходящему на танцплощадке:

*Сегодня праздник у девчат, сегодня будут танцы
И щёки девушек горят, с утра горят румянцем.*

*Пришли девчонки – стоят в сторонке, платочки в руках
теребя.*

*Потому что на десять девчонок по статистике девять
ребят.*

Когда объявили «Белый танец», к нам сразу кинулись несколько девушек. Я смешался, покраснел, неловко топтался, и никак не мог выбрать из пяти претенденток напарницу. Наконец, решился и, не глядя в лицо, начал передвигать ногами, смотря в пол, с какой-то красивой девушкой в цветастом платье. Разговорились. Зовут Люсей. Весь вечер протопал-протанцевал с Люсей, постоянно извиняясь за свою неуклюжесть.

Теперь меня тянула какая-то сила вечерами на танцы. Танцевал только с Люсей. Она ненавязчиво учила меня танцевальным движениям. Витька тоже начал встречаться с одной девушкой. Две недели пролетели, как один день.

Старт. Люся пришла болеть за меня. Да где там! Более пятисот участников! Я только начал осваивать «малый марафон» и был только в первой сотне – пробежал 30км. за 1 час

50 минут.

Расставаясь, обменялись с Люсей адресами. Уж что случилось со мной – и сам не знал. Зачем, я так и не решил. На что надеялся – непонятно! Ну, девушка, как и все!

С тех пор стали поступать от Люси письма. Она писала очень пространные письма, признавалась в любви ко мне, ждала меня. Я, прочитав, тут же рвал их, но мне было приятно.

На следующий год я уже рвался в Орехово-Зуево, интенсивно тренировался, и легко выигрывал предварительные старты, чтобы попасть туда на соревнования. По приезду вечером опять спешил к Люсе на танцплощадку – мне уже начали нравиться танцы.

Голос Майи Кристалинской из радиолы звал нас на вальс – эту песню прокручивали несколько раз:

*Подмосковный городок, липы жёлтые в рядок,
Подпеваёт электричке ткацкой фабрике гудок.
Городок наш ничего, населенье таково —
Незамужние ткачихи составляют большинство...*

Вот уже третий приезд в Орехово-Зуево. Сборы десять дней. Опять встреча с Люсей. Я, кажется, привык к девушке. Иногда ходим с Витькой на танцы. Больше тусуемся, чем

танцуем.

Как-то пришли на танцы – Люси нет. Витька немного потанцевал со своей девушкой и куда-то скрылся. Объявили «Белый танец». Ко мне подошла рослая кареглазая девушка. Видно, что опытная, т. к. сама начала водить меня, когда я несколько раз наступил ей на ноги. Благо, что танцевали тогда парни только в светлых тапочках, которые перед танцами старательно натерли зубным порошком. Девушка была «под хмельком». По окончании танца вдруг говорит мне:

– Пойдём отсюда!

Я согласился. Пошли по аллее вглубь парка. Уже темно. О чём-то разговариваем. Кончились последние фонари. Вдруг девушка (а я даже не спросил её имени) садится на траву. Шепчет:

– Иди ко мне!

Я присаживаюсь, она валится на траву:

– Ну, давай же! Ты чего?

Я обалдел от неожиданности. Не ожидал такого поворота событий. Нет! Это не для меня! Не надо мне такой любви! Помня повариху и Веру, где всё так получилось скверно, вскочил и быстро ушёл.

В четвёртый раз пробежал «тридцатку» за 1 час 41 мин. и был в первой шестёрке. Я был вне себя от радости! По положению, в этих стартах участвовали десятки, если не сотни мастеров спорта со всего СССР, кандидаты в МС и пер-

воразрядники. Призёры шестёрки на таких массовых и престижных всесоюзных соревнованиях становились автоматически мастерами спорта! Я во второй раз подтвердил звание мастера спорта – теперь на одной из труднейшей дистанции «малого марафона». Люся поздравила меня.

Последний вечер провёл с Люсей до глубокой ночи. Взявшись за руки, мы долго гуляли по городку, сидели на скамейке в парке. Она молчала, вздыхала, нежно смотрела на меня, требуя взглядом высказаться.

Я метался, не зная, что предпринять. Видел и чувствовал, что она искренне любит и тянется ко мне. А я? Нет! Всё это не то! Она мне только нравится, а любви-то настоящей нет! Зачем я всё это затеял? На что надеялся? Обмануть Люсю? У меня в мыслях даже этого не было. Так для чего я развёл эту канитель? У меня не было ответа.

Через неделю после приезда в родной город, получил телеграмму:

– «Я не могу больше так! Выезжаю к тебе в пятницу! Твоя Люся».

Я ужаснулся:

– «Сегодня среда! Что делать? Я же тоже практически люблю её, но что-то не хватает мне для окончательного шага! И этот шаг я должен сделать! Признайся себе – это Ни-на Суворова! Надо узнать её судьбу – поехать к ней. А по-

том? Потом видно будет. Жалко Люсю. Зачем её „водил во-
круг, да около“? Она первая решилась на это! Что же, что же
предпринять? Я всё-таки подлец! Для чего обманывал её по-
чти четыре года? Для чего „тянул резину“? Она надеялась,
она ждала, а я нагло обманывал доверчивую девушку. Ну,
что же? Обману ещё раз!»

Побежал на почту. Не скрывая слёз, дал телеграмму:

– Люсенька! Если можешь, ПРОСТИ, ПРОСТИ, ПРО-
СТИ! Я женился!

Роковая женщина

Бабке Устиньи не исполнилось и семидесяти лет, как она заболела неизлечимой болезнью. Жила она одна в однокомнатной квартире. Два взрослых сына и две дочери жили в разных городах России. Перед смертью написала всем письма – приехала одна младшая дочь Раиса. Мать уже не вставала – дочь приехала вовремя. Странная это была семья! Никто из них не дружил друг с другом, они даже не переписывались и не перезванивались. Мать с дочерью встретились тоже прохладно – даже не прослезились! Раиса начала ухаживать за матерью, скоро поняв, что больше никто не придет и что ей придётся одной похоронить мать. Этот день неотвратимо наступал.

Как-то бабка Устинья вечером позвала дочь. Она вся горела. Начала трудно:

– Доченька! Ну, вот и приходит мой час! Бог забирает меня к себе... рано... хотела ещё пожить... да, видно, за мои грехи он наказывает меня ужасными мучениями. Другим-то везёт... ночью уснут... утром не проснутся. А я четвёртый месяц страсть, как мучаюсь. Видно, за четверых мужиков, которых сгубила.

– Да вы что, мама? Каких мужиков? Вы что, бредите?

– Да нет, доченька! Всё правда! Ты вот не задумалась – по-

чему вы все так не похожи друг на друга? Ты, Серёжка, Петька, Клавка? Все вы от разных отцов. Я-то, практически, без регистрации с ними жила – никто из них не захотел на мне жениться. Мужики все подлые, кобели несусветные!

– Ну не все, мама! Есть и порядочные, правда, мало их.

– Есть, но не про мою честь. Не везло мне в жизни на мужиков. Я была очень красивой, и все они были охочи до меня. Но все однодневки! А мне так хотелось семейной жизни.

– Ну почему же так у вас не получилось? Может, извини, мама, ты сама виновата?

– Наверное, есть и моя вина, поэтому и воспитывала вас одна в бедности, нищете. Не всё время вы жили со мной, но тоже помаялась с вами. Если бы не детдом – одна бы не выдержала ни за что. Всё надеялась, ждала хорошего. Ожесточилась я сердцем. Моя мать – твоя бабушка Оля, как предугадала мою судьбу. Она тоже прожила одна всю жизнь. Всегда говорила мне:

– Дочь! Не верь мужикам! Они мне столько горя принесли! Не дай Бог тебе этого! Не прощай измены никогда!

– Расскажи мне, мама, хотя бы о моём отце. Как он – что за человек?

– Расскажу, расскажу обо всех. Исповедаюсь перед тобой, как перед священником. Ты, видно лучше всех моих детей. Даже мать перед смертью не приехали проведать. А может и за мать меня не считают.

– Ну, что вы, мама? Может, ещё выздоровеете?

– Дурочка, последний час у меня. Слушай. Начну с Клавкиного отца. Было это в 1942 году. Работала поваром в санитарном поезде. Курсировали в болотах на Ленинградском фронте. Сотни раненых бойцов. Крики, стоны, ругань, в вагонах полки, на которых лежат. Мечутся, орут, матерятся, плачут. Кровавые бинты, гной. Здесь же операционная. Но не об этом сейчас речь. Влюбился в меня полковник – начальник поезда. Не устояла я – думала женится на мне. Забеременела. Сказала ему об этом. Он сразу – шашть от меня! Я в слёзы – ведь нет и девятнадцати, а я уже с пузом. А он уже с двумя другими медсёстрами крутит. Зло меня взяло – прямо остервенела сердцем! Вспомнила наказ матери. Ну, думаю, не на такую дуру напал – отомщу тебе! Отравлю его!

– Мама, разве можно было сразу так? Поговорила бы, пожаловалась его начальству. Есть и другие пути.

– И говорила с ним, и жаловалась – писала везде. Он только смеялся надо мной. Ничего не помогало. Поезд наш часто стоял прямо в поле или у леса. Я хорошо знаю травы. Набрала семян белены, ягод тиса и волчягодника, нарвала можжевельника. Изготовила зельё – и в суп и компот ему! Не заметил. А к вечеру скончался в мучениях. Поднялся шум, приехали какие-то люди, всех таскают, меня в первую очередь. А в поезде у половины состава кровавый понос: все-то пьют болотную воду! Пошумели, поугрожали, угомонились – тем более ещё четверо в поезде скончались от дизентерии.

– Мама! Неужели это правда? Как вы решились на это?

– Вот так и решилась! За измену покарала! Теперь слушай дальше. Серёжкин отец. Жила уже после войны в Улан-Удэ у него на квартире. Бурят. Тоже был какой-то начальник. С фронта меня взял – в конце войны уже, но не хотел регистрироваться. У него ещё до войны там была семья и двое детей – разошёлся. Родила ему Серёжку. Он тоже начал гулять. Я и так, и сяк – и уговариваю его, и плачу. Всё бесполезно! Приводил шлюх даже домой! Скандалы, драки. Он начал бить меня – и бил жестоко! А ты знаешь мой характер – в жизни никому спуска не давала! Терпела, терпела год – решила бросить всё, и уехать «куда глаза глядят», т.к. он и сам меня начал выгонять. Злость взяла – решила и ему отомстить!

– Мама, ну и уехала бы спокойно. Что же теперь было делать? Не было у вас любви – вот и всё!

– Любовь, любовь – всё это чепуха! Ну, слушай дальше. Как-то сгорела у нас проводка в квартире. Вечером пришёл он пьяный, драку затеял, сильно избил он меня – я плачу. Затем вроде затих, переноской от щитка в коридоре подключил лампочку и начал купаться в ванне. Орёт – «забыл мыло, принеси!». Открываю дверь в ванну, даю ему мыло. Вижу – электролампочка на полочке лежит. Меня как осенило! Вроде невзначай толкнула её в воду – он мгновенно спёкся! Вызвала милицию. Приехали – допрашивают. Говорю – сам,

видно, нечаянно столкнул. Пару месяцев меня мытарил следователь, даже в предварилровке уже сидела с месяц. Упорно твердила одно и то же. Ты же знаешь – я крепкая, никогда не сдамся и никому не уступлю. Сжалились надо мною – отпустили. Уехала я оттуда одна. Клавуку-то и Серёжку отдала в детский дом.

– Да, мама, ты ещё та грешница! Страсть слышать всё это! А что с Петькиным отцом? Неужели и его...

– Грешница, ещё какая грешница! Но что было, то было. Так вот – уехала я в Можайск. Там у меня была фронтовая подруга. Устроилась на работу. На фабрике на меня «положил глаз» один фраерок. Я – в никакую! Настродалась с ними, думаю, больше никаких шашней. Он мне проходу не даёт. Наглый, упёртый – я ему однажды даже в морду дала. Жила в общежитии на фабрике. Он встречается-проводит, цветы, конфеты. Подруга советует: «Это любовь! Выходи замуж!» Я дрогнула, сказала ему условие: «Только через ЗАГС!». Он согласился. За детей я утаила, расписались. У него однокомнатная квартира. С год хорошо прожили – начал опять куролесить. Пьянки, друзья, подруги. Я осатанела: «Да что же это такое? За что мне такая напасть? Почему я такая невезучая?». Я и по-хорошему с ним, и по-плохому. Ничего не помогает! Нет, он меня не бил, но матерился сильно и унижал самым отвратительным образом. И где он такие паскудные слова находил? Через год забеременела – он

начал выгонять меня. Подал на развод. Швабра новая у него появилась – такая же наглая, как и он. Я в ужасе – что делать? Подруге всё рассказала. Говорит: «Переходи ко мне жить. Я-то со своим развелась. Будем вдвоём с тобой жить». А меня зло берёт: «Опять меня обманули? А как ухаживал? Какие слова говорил? Какие всё же мужики подлецы!». А тут у него начались проверки на складе – он был заведующий. ОБХСС шерстит, обнаружили какую-то недостачу, вызывают на допросы. Он запил втёмную. Как-то поздним вечером прихожу со смены – он в стельку пьяный лежит в одежде и сапогах на кровати. Открыла я газовый кран на кухне, закрыла форточки и ушла ночевать к подруге – ничего ей не сказала. Ключи от квартиры выбросила в речку. В его доме соседи подняли ночью тревогу – газом воняет. Приехали на машине, установили, откуда газом тянет, вскрыли дверь: он уже готов! Милиция приехала за мной – соседи знали мою подругу. Начали допрашивать – я в ни какую: «ничего не знаю; да, жили плохо – подали на развод, с работы сразу ушла к подруге и т. д.» Хорошо, что никто меня не видел той ночью там. Списали всё на недостачу в его складе. Через пару месяцев уехала я оттуда на юг. Петьку родила, тяжело воспитывала, тянулась из последних сил и, как исполнилось шесть лет, не вытерпела – отдала тоже в детдом.

– Мама! Что же это такое? Что за жизнь была у тебя? Как ты могла решаться на такое? Неужели и моего отца убила?

Кто он, и как ты с ним сошлась, жила? Я же его чуть помню – хоронили же мы вдвоём его! Вроде нормальный был.

– Да, нормальный. Фёдор-то был лучший из них. И на мне, думаю, нет его крови. Но вина моя всё же есть. Ох, как тяжело мне! Нет уже мочи. Дай бог договорить. Так вот – семь лет жила без мужика. И приглядывались ко мне некоторые, и помогали, и предлагали «руку и сердце», но я решила больше никому не верить. Но мы же, бабы, слабые, доверчивые – всё нам охота создать своё гнёздышко, быть под чьим-то крылом. Не устояла я перед Фёдором – сошлись. Жили вроде хорошо. Правда, всякое было, как и в других семьях. Тебе уже было девять лет, когда это случилось. В тот вечер сильно поскандалили, и у него от этого, видно, разыгрался радикулит. Согнулся, дополз до кровати, орёт: «дай электрогрелку!». Я в злости швырнула её ему – она попала в чугунный радиатор рядом с кроватью. Возможно, повредился там какой-то проводок. Одеда я тебя, и мы пошли ночевать на дачу – очень я осерчала на Фёдора тогда! Убила током Фёдора электрогрелка – замыкание случилось. Вот такая история! Жалко мне его! Это правда! Не везло мне в жизни, Рая. И для всех мужиков я, видно, была роковой женщиной.

– Да, это точно, мама! Удивительно, что так никто и не узнал, не доказал твоей вины. Проси у Бога прощения, молись.

Бабка Устинья замолчала, слёзы покатались по её впалым

щекам, с натугой произнесла:

– Да, тысячи женщин сидят в тюрьмах за мужиков. Членовредительство...

Одного топором зарубят, другого ножом, третьего скалкой. Да что там! Человека убить – раз плюнуть! И все сидят! А меня вот Бог миловал. Но сейчас по полной наказывает. Ладно, доченька, прости меня за всё. Не могу уже больше говорить. Давай прощаемся!

Дочь, плача, с ужасом посмотрела на мать, наклонилась и поцеловала в уже холодеющий лоб.

Судьба – копейка

Детские годы Нестерова прошли в голоде и лишениях. Главная мечта детства: занять свой велосипед – так и не свершилась! Отслужив в армии три года, Владимир решил перед женитьбой куда-нибудь завербоваться, чтобы заработать денег. Выбор пал на горные рудники Ленинабада, куда его обещали взять на самую трудную, но высокооплачиваемую работу забойщика в шахте. Он пытался уговорить и своего друга поехать вместе туда, но тот и слышать не хотел:

– Ты что – не понимаешь, куда тебя вербуют? Там урановые рудники, и работают на них в основном одни зэки.

– Ну и что? Мой армейский товарищ уехал после службы на золотодобывающие рудники Магадана, где тоже зэки – и ничего! Доволен своей жизнью, зовёт меня.

– Вот и поезжай туда. Это всё равно лучше, чем добывать уран. Говорят, он вреден, и от него рано умирают – радиация.

– Ерунда всё это! Сказки и страшилки для трусов. А в Магадан я, возможно, ещё поеду, но сначала в Ленинабад. Да и по правде сказать, хочется посмотреть Самарканд, Бухару, Ташкент – говорят, экзотика.

– Ну, ну, давай, давай! Смотри, чтобы здоровым и богатым возвратился, а то ведь и без штанов можешь остаться!

– Типун тебе на язык.

Владимир, прихватив с собой любимую гитару, выехал в Ташкент. По приезду его разместили в комнате общежития, где стояло двенадцать коек. Начались будни. Работа была трёхсменной. В комнате всё время кто-нибудь спал после смены, поэтому все говорили вполголоса, стараясь не разбудить товарищей. Работа забойщика очень трудная. Врубочные машины в то время только начали применяться, и приходилось вручную кайлой отбивать куски породы от рудной массы. Потом забойщик наполнял таратайки рудой, и возчики отвозили её по забою к лифтовой шахте. Нестеров быстро научился работать отбойными и бурильными молотками, изучил буровые станки, скреперные лебёдки, прокладывал узкоколейные пути и перестилал катальные доски. Его вскоре назначили бригадиром, и он теперь начал размечать расположение, глубину и направление шпуров для размещения зарядов при взрывных работах, возводить временные и постоянные крепи, следить за давлением горных пород и направлением выработок.

В забое очень подружился с пожилым горнорабочим Александром. Тот как-то предложил ему:

– Володя! Ты хороший и трудолюбивый малый. Переходи ко мне жить – у нас двухкомнатная квартира. В общежитии разве жизнь? Ни покоя, ни отдыха.

У тебя тяжёлая работа, да ещё это скотское жильё. Пока

молодой – надо пожить.

Нестерову и впрямь надоела холостяцкая жизнь в опустылевшем общежитии. Оно ничем не отличалось от казармы, где он провёл три года. Он с радостью согласился:

– Спасибо, Петрович! Квартплату – сколько скажешь.

– Да не надо ничего! Будешь питаться с нами. Мы вдвоём с Дарьей. Она не работает – домохозяйка. Нам на жизнь хватает – заработок у меня хороший. Вот деток мы так и не завели. Шахта наша, видно, вредная и здоровье моё пошатнулось за эти пятнадцать лет, что здесь батрачу.

И Володя стал жить на хлебах у разборщика кусков пустой породы хлебосольного Петровича. В первый же вечер втроём выпили по одной-другой, засиделись за полночь. Жена у Александра «ещё в соку» – невысокого роста, чуть полноватая, светловолосая. Разрумянилась, бегает в кухню туда-сюда, ухаживает за мужиками, а сама вскользь игриво поглядывает на квартиранта. Что удивило Нестерова? Петрович абсолютно не реагировал на поведение жены. Он, кажется, даже поощрял её шутки, и подыгрывал ей. Даша, наливая всем водки в стаканы, смеясь, спросила:

– Володюшка! Говорят, у вас в шахте много молодых – откатчиц, коногонов, тормозных. Неужели не заимел кралю?

– Да нет! Я их не замечаю. Не по мне они.

– А что, ищешь принцессу?

– Да что ты, Дарья! Хватит смущать парня. Найдёт ещё не одну. Этого добра завались.

– Да не скажи, Петрович! Хороших девок не так уж и много. Ладно, Володюшка, о девчатах. Лучше поиграй нам на гитаре, и спой свою любимую песню про белокурую красавицу – у тебя это здорово получается.

Первое время они с Петровичем работали в одну смену. Александр сгребал пустую породу, оставленную забойщиками в глубине хода, закладывал ею выработанное пространство пласта, засыпая навечно поставленное там крепление, но оставляя свободными верхний и нижний ход для откатки руды.

Нестеров уже хорошо зарабатывал, копил деньги на сберкнижке, и записался в профкоме рудоуправления в очередь на машину. Как-то, когда он спал после ночной смены, а Петрович работал в дневной, его что-то разбудило. Он вздрогнул: рядом лежала Дарья и ласково гладила его по голове и груди. Володя онемел, затем прошептал-пролепетал, слабо сопротивляясь неизбежному:

– Не надо, Даша! Я вас прошу. Это подло!

– Надо, милый, надо. Моего Петровича шахта доконала. Я его люблю, и никогда не брошу – он очень хороший мужик. Но я ещё молодая.

И потекла новая жизнь Нестерова. Отношения между двумя товарищами, жившими в одной квартире, внешне не из-

менились. Жили дружно: работа, отдых, баня – всё вместе. Дарья похорошела, всегда была весёлой и приветливой к обоим мужикам и старалась угодить им во всём. Жизнь у неё наполнилась новым содержанием.

Жёны забойщиков, проходчиков, запальщиков, бывшие соседями, уже давно шутили:

– Вот как надо жить, бабы! У Дарьи-то два мужика! Один ночной, другой дневной!

Владимир ругал себя, переживал, знал, что так поступать нельзя, чувствовал себя «не в своей тарелке», и с нетерпением ждал, когда в профкоме подойдёт его очередь на машину:

– «Куплю машину, ещё чуток подработаю деньжат, и уеду к матери. Тогда и закончится эта некрасивая история».

И вот свершилось! Душа его готова было «выпрыгнуть из себя», когда он пригнал из Самарканда новую «Волгу» Г-21. У него, никогда не имевшего даже велосипеда, теперь машина! Да ещё какая! Супруги тоже радовались с ним, как дети. Они знали дальнейшие планы Нестерова, и искренне сожалели о скором его отъезде:

– Ну что, Володя! Скоро домой? Хоть бы раз повёз нас в предгорье Туркестанского хребта. Там, рассказывают, очень красиво. Мы, сколько живём, так и ни разу не были даже на Кайраккумском водохранилище. А оно недалеко.

– Друзья, везде успеем побывать. Я ещё с годик порабо-

таю – денег матери привезу: мало ей помогал. Всё копил на машину.

Как-то к Нестерову подошёл знакомый таксист, с которым он давно дружил:

– У нас в Ленинабаде работы практически нет – городок маленький. Я езжу в Ташкент – это всего сотня километров. Там клиентов – хоть отбавляй! Бросай эту грязную работу – работай на своей «Волге» в Ташкенте. Озолотишься! Там на твою «Волгу» -красавицу очереди будут! Да и о себе надо подумать. Посмотри на себя – кожа да кости! Тебя эта шахта съедает! Каким ты был – и каким стал.

Владимир задумался:

– «А и впрямь! Сколько можно батрачить? Всех денег не заработаешь. Да и здоровье стало, действительно, не то. А таксист дело говорит. Был у него – живёт зажиточно. Свой дом, фруктовый сад, почти новый «Москвич».

И снова наступили перемены в жизни Нестерова. Уволился из шахты, начал таксовать в Ташкенте.

Как-то днём на железнодорожном вокзале к нему подошли трое смуглых мужиков:

– Брат! Отвези в Рават! Заплатим очень хорошо!

– А где это?

– За Катраном – у реки Ляйляк!

– Не знаю этих мест – не поеду!

– Да это чуть больше сотни километров! Дорога неплохая – каменная, идёт в предгорья Туркестанского хребта. Заплатим четыреста рублей!

Это было неслыханно! На шахте зарабатывали за месяц 200—300 рублей. А тут... Нестеров заколебался. Да и упоминание о Туркестанском хребте сработало – много слышал о нём. Но что-то останавливало его:

– Нет – не поеду!

– Братан! Ну, выручай! Пять лет не были дома – работали на золотых приисках. Разбогатели – будем дома жениться. На! – пятьсот рублей!

И один из «богачей» протянул Владимиру пять сторублёвок. Тот сдался:

– Ладно, чёрт с вами, поехали. Судьбы у нас общие – я тоже скоро поеду домой. Был у вас на заработках в рудниках, да вот приболел – теперь такую.

Дорога всё время шла в гору. Пошёл сильный дождь. Один из клиентов сидел на переднем сидении, а двое других сзади. Они переговаривались на тюркском языке. За десять лет, что жил здесь Нестеров, он достаточно хорошо уже стал понимать этот язык, но сейчас не стал вмешиваться в их разговор – и это спасло его! Мечты его были, как всегда, о скором свидании с мамой и родными местами. И вдруг Володя похолодел, услышав:

– Надо заехать за окраину Равата! Раньше там была кошара – вот здесь и прихлопнем его! А машина у него новёханькая – куш хороший будет! Лох! Попался на жадности.

Нестеров резко затормозил, и незнакомцы забеспокоились:

– Слушай! А не понимает ли он по-нашему? Что-то он на ровном месте тормознул.

На русском языке один из них спросил:

– Друг! Что это ты резко тормознул? Испугался чего-то?

Володя уже «взял себя в руки», и спокойно ответил:

– Машина новая – только привыкаю. Тормоз с газом перепутал.

В машине воцарилось молчание. Нестеров, стараясь не выдать волнения, лихорадочно соображал:

– «Что делать! Вот попал – как кур во щи!»

Уже темнело. Дождь почти перестал. Он спросил:

– Ребятки! Вон, впереди, не ваш ли Рават?

– Да, он! Минут через десять приедем.

Впереди на дороге показалась огромная лужа, справа – отвесная скала, а слева, со стороны сидения Нестерова, крутой склон в ущелье. Решение пришло мгновенно:

– «Если не получится задуманное – резко брошу „Волгу“ в пропасть, чтобы убить этих тварей или, если успеют выпрыгнуть, и останутся жить, скажу, что лопнуло колесо. В любом случае машина им не достанется. Или, в зависимо-

сти от обстоятельств, посмотрю – может, постараюсь спрыгнуть на ходу и побегу-покачусь в ущелье: пусть догоняют».

«Волга» забуксовала в лыве – это Володя, рискуя, незаметно выключил сцеплением скорость, и отчаянно газовал на холостых оборотах. Бандиты не заметили уловки шофёра, и продолжали спокойно сидеть на своих местах, правда, заметно занервничали. Нестеров разозлился:

– А ну, парни, вылезайте! Машина тяжёлая – всем троим надо толкать!

Те неохотно подчинились и, чертыхаясь в грязной воде, взялись толкать машину в багажник. Володя резко включил скорость и рванул, обдав грязью злополучных пассажиров. Те что-то гортанно закричали, размахивая руками, и побежали за машиной. Нестеров, обернувшись, закрыл кнопками все дверцы, и помчался в городок.

На въезде – в будке ГАИ сидели два милиционера. Он остановился – рассказал им всё, и они быстро поехали туда на своей машине, а сзади – за ними, еле успевала «Волга». Проехали злополучную лужу, но на дороге никого не оказалось: бандиты где-то спрятались, увидев машину ГАИ. Милиционеры остановились, пожали ему руку, и посоветовали больше не приезжать в эти места.

Володя приехал домой взволнованный – рассказал всё су-

пругам. Петрович сразу сказал:

– Да, нехорошая история! Эти сволочи будут теперь тебя искать: номера-то машины запомнили. Надо тебе уезжать.

Дарья побледнела, разволновалась, заговорила:

– А, может, всё обойдётся? Возможно, эти бандиты не местные, а приезжие? Пока в Ташкент не ездят – потаксуй здесь.

– Так они знают, что я живу в Ленинабаде – в разговоре обмолвился.

Петрович обнял Володю:

– Тем более! Уезжай быстрее, чтобы не было беды! Это сволочной народец!

На следующий день он выехал домой – в родной город, поняв, что его теперь бандиты не оставят в покое. Провожала его одна Даша – Петрович был на смене. Она ревела белугой:

– Я люблю тебя! Как я теперь без тебя буду жить?

Нестеров только теперь понял, что и он полюбил Дарью. В нём боролись два чувства – любовь к Даше и чувство вины перед товарищем за свою подлость. Но что делать? Надо было делать жизненный выбор, тем более вмешалась неподвижная ситуация.

Мать встретила сына со слезами радости:

– Сыночек! Как я соскучилась по тебе! Что с тобой? Ты какой-то жёлтый, похудел.

– Ничего, маманя! Отъежся дома – теперь больше ннкуда не поеду!

Практически ежедневно теперь вспоминал он Дашу, Петровича. Очень тосковал за ними.

Он пока не работал – немощь вдруг овладела его телом. Мать беспокоилась, приводила знахарок, заставляла сына проходить обследование в поликлиниках и больницах, но ничто не помогало. Часто Володя вспоминал ту последнюю трагическую поездку, чуть не стоившую ему жизни.

Но смерть подбиралась к нему с другой стороны – неизлечимая болезнь приковала его к постели. Он написал письмо в Ленинабад – Петровичу и Даше, поняв, что в его жизни никогда не было, и не будет лучших друзей, чем эта милая супружеская пара. Обещал, когда выздоровеет, приехать к ним в гости. Теперь он не расставался с гитарой, со слезами напевая одну и ту же свою любимую песню:

*Как люблю твои светлые волосы,
Как люблюсь улыбкой твоей.
Ты сама догадайся по голосу
Семиструнной гитары моей.*

Не дожив до тридцати пяти лет, умирая от лейкоза, Нестеров тосковал, плакал и всё вспоминал-вспоминал свою един-

ственную в жизни женщину – незабвенную Дашеньку.

Он так и не узнал, что недавно Даша родила сына...

Курортные встречи

Захар Семёнович работал директором довольно крупного предприятия в Сибири. Энергичный, напористый – он «горел» на работе, за что и ценили его в вышестоящей организации. Но семейная жизнь у него не удалась. Вокруг было много привлекательных женщин, но, несмотря на свой решительный характер, он был по натуре очень щепетилен, романтичен, и всё никак не мог найти «свою половину». На его предприятии работал молодой экономист Костя, с которым, несмотря на разницу в возрасте, очень подружился директор. Дело в том, что Костя прекрасно пел и играл на гитаре на корпоративных вечерах, а Захар Семёнович с детства просто обожал гитару и мандолину. Сам в юности довольно преуспел в умении петь и играть на этих инструментах.

Как-то, проведя очередную планёрку, директор попросил Константина задержаться. Когда все сотрудники вышли, он сказал:

– Слушай, Костя! Меня в главке прямо выталкивают в отпуск. Говорят, не бережёшь себя, отдохни, наберись сил, предлагают путёвки в разные места. Давай вместе махнём! А? Найдём на курорте для себя подходящих женщин! Говорят, они там просто охотятся за мужиками!

– Я не против, Захар Семёнович! Два года не был в отпуске! А куда поедем?

– Ты знаешь – я много раз был в Крыму, в Сочи, а вот в Кисловодске – ни разу! Многие отзываются очень хорошо об этом курорте. Тем более, у меня там живёт друг Вадим ещё по службе в армии. Всё время предлагает приехать отдохнуть. Рассказывает о своих многочисленных победах над слабым полом. По-моему, он просто помешался на этом. Ну ладно, посмотрим. Едем?

– Хорошо, согласен!

– Беру две путёвки. Чуть подберу дела – через неделю едем. Костя! Только не забудь взять гитару.

И вот они в Кисловодске! Впереди 24 дня отдыха! Санаторий «Химик» располагался под горой на краю курортного парка. Друзьям предоставили большой и уютный трёхместный номер «люкс». В первый же вечер к ним приехал шумный, весёлый Вадим с горой бутылок пива и пакетами закусок. Объятия, расспросы. Вадим работал курортным агентом в Курортном Совете. Он поднаторел в работе: все санатории были в его ведении; в то же время у него был свободный график работы и подчинялся он только генеральному директору. Имел много свободного времени и умело пользовался этим.

Вадим с шутками-прибаутками рассказывает:

– Друзья! У вас в санатории 60—70% женщин! Никуда не надо ехать – они сами падают в объятия! Здесь вечерами прекрасные танцы, где все знакомятся. С этого санатория я много «взял дани» в виде прекрасных дам. Они-то меня-

ются: приезжают, уезжают, а я нет! Надо только врать им, что «влюбился по уши» – они любят это! Для меня сюсюканье с женщинами – это только замануха! Важен конечный результат! Идём сегодня же на танцы!

И, правда! На танцах курортницы сразу заметили тройку великолепных мужчин. Когда объявляли «Белый танец», к ним устремлялись десятки женщин. Приходилось даже выбирать. К концу вечера Захар Семёнович танцевал только со строгой, но обаятельной, худенькой, рыжеватой, лет сорока, женщиной Раей. Вадим, не стесняясь, облапывал, прижимаясь в танце, грузноватую Лиду, а Костя, старательно отстраняясь, танцевал с совсем ещё юной, хрупкой девушкой Тоней.

По предложению Вадима, знакомство решили закрепить в номере. Тоня отказалась, а обе женщины охотно откликнулись. Прекрасный вечер затянулся допоздна. Напористый Вадим увёл куда-то Лиду, а Рая, попрощавшись, пошла в свой номер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.